

Глава 19. Еще полгода

Прошло немало времени, прежде чем Истинный владыка Сюаньцин опустил пиалу на столик. Его пристальный взгляд заставил Ань Цзыяня внутренне подобраться. Догадываться не приходилось: старик пришел именно по его душу.

— Наследник восстанавливается неплохо, — заговорил Сюаньцин. — На днях Хуайшэн упоминал, что вы подхватили простуду. Для обычного человека легкий озноб — сущая мелочь, но вашей милости следует беречься пуще прежнего. Малейшая оплошность может стоить вам жизни.

Старый даос вовсе не сгущал краски. Ранее он уже предупреждал Чоу Хуайшэна: если недуг вернется, тут и бессмертные небожители окажутся бессильны, случись им сойти на землю. Даже пустяковый сквозняк мог спровоцировать рецидив, так что пренебрегать осторожностью не следовало.

— Лишь благодаря вашей заботе, владыка, и помощи брата Хуайшэна я так быстро иду на поправку, — почтительно отозвался Цзыянь. — Я глубоко признателен за ваше предостережение и непременно сберегу его в памяти. Спасибо, что беспокоитесь обо мне.

Юноша и впрямь чувствовал себя польщенным. Кто такой Сюаньцин? Великий мастер, даосский затворник. Стал бы он в обычных обстоятельствах заботиться о чьей-то жизни или смерти?

— Полно тебе, Янь-эр, — с улыбкой отозвался Чоу Хуайшэн. — Мы с учителем лишь делаем то, что велит долг.

Цзыянь мягко улыбнулся ему в ответ.

— Подойдите ближе, Его Высочество, — поманил его рукой Сюаньцин.

Недоумевая, Цзыянь тем не менее послушно приблизился.

— Чем могу служить, владыка?

— Протяните правую руку.

Юноша беспрекословно повиновался.

Старый даос устроил его ладонь на своем колене, встряхнул широкими рукавами рясы и прижал пальцы к запястью, нащупывая пульс. Спустя мгновение он осторожно приподнял веки юноши, вглядываясь в его глаза. Цзыянь замер, боясь даже вздохнуть.

— А теперь покажите язык.

Цзыянь послушно приоткрыл рот и закрыл его только тогда, когда старик удовлетворенно кивнул.

— Позвольте спросить... как обстоят дела с моим недугом? — несмело поинтересовался юноша.

Хотя по собственным ощущениям Цзыянь понимал, что чувствует себя куда лучше, чем год назад, слабость все еще давала о себе знать. Да и лекарю всегда виднее.

— Еще полгода, и ваша светлость сможет спуститься с горы, чтобы вернуться в родное поместье, — размеренно произнес Сюаньцин. — Однако в эти оставшиеся шесть месяцев вы обязаны строго соблюдать предписания: каждые три дня совершать омовение в горячем источнике, а каждые семь — принимать целебную ванну. Болезнь отступает, но терять бдительность нельзя. По истечении этого срока я навещу вас снова. Ну а пока... Хуайшэну придется еще немного потрудиться.

Услышав заветный срок возвращения домой, Цзыянь почувствовал, как радостно затрепетало сердце. Однако, взглянув на Чоу Хуайшэна, он заметил, что тот внезапно посмурнел. Радость юноши угасла, сменившись щемящим чувством вины. «Я-то через полгода вернусь к родным, а вот брату Хуайшэну... когда еще суждено обнять близких?» На лице Цзыяня невольно отразилось сочувствие. Хуайшэн как раз поднял глаза и поймал этот взгляд, заставив юношу смущенно отвернуться.

— Тогда... в эти полгода мне снова придется докучать тебе, брат Хуайшэн, — тихо пробормотал Цзыянь.

От пристального взгляда названного брата сердце юноши вновь испуганно заколотилось в груди.

Хуайшэн беззаботно улыбнулся:

— Это моя работа. Набирайся сил и ни о чем не тревожься.

Полгода. Всего шесть месяцев — и Цзыянь уедет. Срок немалый, но пролетит он незаметно. Как вчера верно подметил сам юноша, весь прошедший год теперь казался лишь кратким сном. Но когда его подопечный покинет Гору Небесного Духа... что останется делать ему самому? Этот вопрос вновь повис в мыслях Хуайшэна тяжелой тучей.

— На том и решим, — старик Сюаньцин поднялся с места. — Я возвращаюсь в свои покои. Хуайшэн, береги наследника пуще прежнего.

Бросив на ученика многозначительный взгляд, старый даос неторопливо покинул Павильон Хранящий Облака.

Проводив мастера взглядом, Цзыянь негромко вздохнул. Он и сам не понимал, откуда взялась эта подступившая к горлу грусть. Ведь новость была прекрасной, стоило радоваться и праздновать скорое исцеление, однако на душе скребли кошки. Лицо Хуайшэна, ушедшего в свои безрадостные думы, не выходило у него из головы — точно так же, как и прошлой ночью.

— Ну и почему мы нос повесили? — Хуайшэн привычным жестом взъерошил мягкие волосы юноши. За последний год это вошло у него в привычку, от которой теперь вряд ли удастся избавиться. — Всего полгода — и ты свободен. Радоваться надо.

— Я рад... просто поверить не могу, — негромко отозвался Цзыянь. — Думал, разлука с семьей затянется на долгие годы, а тут — всего полтора года. Не зря Гору Небесного Духа зовут Священной горой. Сначала я только и бредил тем, как бы поскорее вернуться домой, но сейчас... почему-то тоскливо. Знаю, впереди еще целых шесть месяцев, но от мыслей о неизбежном расставании щемит в груди.

Здесь, на Священной горе, Истинный владыка Сюаньцин подарил ему вторую жизнь. Здесь же встретился тот, кто впервые заставил его сердце трепетать от любви. И все же это место никогда не станет его домом. Как бы сладко ни было здесь оставаться, рано или поздно придется уйти.

— Не забивай себе голову глупостями, — мягко перебил его Хуайшэн. — Наоборот, улыбнись. Возвращение к родным — это великое счастье. Вы снова будете вместе.

Произнося эти слова, он отвел взгляд куда-то вдаль и незаметно сжал кулаки.

— Оно-то так, но...

— Ну всё, будет тебе, — с добродушным смешком оборвал его Хуайшэн. — Погляди на себя, ворчишь как столетний дед. Тот Ань Цзыянь, которого я знаю, вовсе не такой хмурый.

— Мне всего шестнадцать! Какой еще дед? Брат Хуайшэн только и знает, что насмехаться надо мной! — притворно надулся юноша.

Какая уж тут улыбка, когда тебя называют дряхлым стариком — и кто, тот самый человек, к которому ты неравнодушен!

— Ладно-ладно, сдаюсь, больше не буду, — рассмеялся Хуайшэн и, мягко взяв Цзыяня за руку, потянул за собой. — Пойдем лучше на солнышке погреемся.

Следуя за ним шаг в шаг, Цзыянь не сводил взгляда с их переплетенных пальцев. Он тепло и робко улыбался. С каждым днем он привязывался к этому человеку все сильнее, и от этого становилось лишь страшнее: как расстаться с ним через полгода? Его собственная ладонь была хрупкой и вечно ледяной, тогда как рука Хуайшэна — широкой, мозолистой и надежной. И это

тепло, казалось, перетекало прямо в душу юного наследника, согревая его изнутри.

Они устроились во дворе на плетеных креслах-качалках с книгами в руках, лениво подставляя лица ласковому летнему солнцу. Благодаря прохладному горному воздуху Горы Небесного Духа зной здесь никогда не перерастал в душливую жару.

Не прошло и получаса, как Цзыянь, сморенный теплом, задремал. Книга выскользнула из его расслабившихся пальцев и с мягким стуком упала на траву. Хуайшэн оторвал взгляд от своего свитка, посмотрел на спящего юношу и бесшумно поднялся. Осторожно, стараясь не разбудить, он подхватил его на руки и понес в дом. Хотя на дворе и стояло лето, горный ветер Горы Небесного Духа бывал коварен. Ослабленный болезнью организм Цзыяня не перенес бы и легкого сквозняка, а новые хвори лишь прибавили бы хлопот. Забота о юном господине была его прямой обязанностью, но Хуайшэн рассудил, что лишних бед лучше избегать.

Уложив Цзыяня на кровать в спальне и бережно укрыв легким одеялом, Хуайшэн присел на край постели. Склонив голову набок, он долго разглядывал безмятежное лицо спящего, вновь погружаясь в невеселые размышления.

Он и сам не ожидал, что недуг отступит так быстро. Каким бы чудотворцем ни был учитель, полностью искоренить врожденную слабость он не мог. Слова Сюаньцина ясно давали понять: даже покинув гору, наследнику придется беречь себя до конца дней. К прежней грани между жизнью и смертью он, скорее всего, не вернется, но любая неосторожность грозила обернуться чередой затяжных болезней.

Цзыяню сейчас шестнадцать, ему самому — девятнадцать. Через год наступит его совершеннолетие, возраст «слабой короны». В стране Юй юноши их лет давно обзаводились семьями. Прежде Хуайшэн и сам грезил о том, как женится на славной девушке, как у них родятся дети — непременно сын и дочка, — и как они заживут тихой, простой жизнью. Но мечты оставались мечтами. Прежде чем устраивать собственную судьбу, ему предстояло исполнить один важный долг, без которого двигаться дальше было невозможно.

Внезапный тихий вздох спящего Цзыяня нарушил ход его мыслей. Юноша повернулся на бок, его щеки во сне слегка порозовели. Пожалуй, только в эти минуты на его обычно бледном лице проступал здоровый румянец.

— Не родись ты в императорской семье... будь ты девушкой, все могло бы сложиться иначе, — едва слышно прошептал Хуайшэн.

Он протянул руку и осторожно убрал с лица спящего темную прядь. Из-за многолетней изнурительной болезни в волосах шестнадцатилетнего юноши уже поблескивали серебряные нити. Вид этой ранней седины режал Хуайшэну глаза. Интересно, исчезнет ли она, когда его тело окончательно окрепнет?

Цзыянь, погруженный в глубокий сон, разумеется, не мог расслышать этих слов. Услышь он их наяву, наверняка принял бы близко к сердцу и горько расстроился.

Постояв еще немного, Хуайшэн бесшумно выпрямился и, бросив на спящего последний взгляд, вышел из комнаты.

Вернувшись во двор, он замер под раскидистой кроной старого дерева, прислушиваясь к мерному шелесту листвы. Дерево было огромным и крепким. Внезапно в голове Хуайшэна родилась затея. Он зашел в кладовую, отыскал две прочные конопляные веревки и гладкую доску, в которой умело проделал четыре отверстия. Продев канаты и закрепив их узлами, он взобрался на нижнюю толстую ветвь и подвесил качели.

Спрыгнув на землю, Хуайшэн окинул взглядом свое творение. Зачем он это сделал? Наверное, просто хотел порадовать Цзыяня. В эти последние полгода ему хотелось подарить юноше как можно больше светлых воспоминаний, чтобы тот, даже вернувшись в столицу, не забывал время, проведенное на Горе Небесного Духа. И пусть качели считались девичьей забавой, Цзыянь в душе оставался сущим ребенком, а дети всегда без ума от подобных вещей.

Поддавшись порыву, Хуайшэн сел на дощечку и слегка оттолкнулся ногами от земли. Качели плавно качнулись вперед-назад. Он легко мог представить, как на них будет раскачиваться Цзыянь, светясь чистой, беззаботной улыбкой. Наследник принца-регента был слишком простодушен для своего высокого положения — в нем не было ни капли той расчетливости, что обычно отличает детей знатных родов.

<http://bllate.org/book/18341/1819862>